

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ Ethnic identity as a basis for legal consciousness of a person

Д. К. Стожко, кандидат философских наук, доцент
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург, ул. 8 марта, 62)

К. П. Стожко, доктор исторических наук, профессор
С. С. Фоменко, соискатель Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Рецензент: Н. Н. Целищев, доктор философских наук, профессор

Аннотация

Рассмотрена проблема этнической идентификации, обосновывается идея о ее решающем воздействии на формирование культуры самосознания в целом и правосознания личности в частности. На примере идей Л. Н. Гумилева об этногенезе прослеживается развитие культуры в рамках каждой из его конкретных фаз.

Ключевые слова: этническая идентичность, правосознание личности, этнос, бинарность мышления, пассионарность, культура, самоидентификация, самоопределение.

Summary

There is considered the problem of ethnic identity, the idea of its decisive influence on the formation of cultural identity and of the individual legal conscience. Development of the culture in each of its particular phases is traced on the example of ideas of L. N. Gumilev about the ethnogenesis.

Keywords: ethnic identity, legal consciousness of personality, ethnicity, binary of thinking, passionarity, culture, self-identity, self-determination.

Этническая идентичность отвечает на вопрос о национальной принадлежности личности. В условиях глобализации современного мира и взаимодействия национальных культур этот вопрос приобретает особое значение.

Понятие *этноса* ввел в научный лексикон Л. Н. Гумилев. До него большинство исследователей оперировало терминами «государство», «классы», «нация», «племя», «народ», «коллектив», «социальная группа». Л. Н. Гумилев обратил внимание на то, что «термин “этнос” очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается человечество» [2, с. 38]. Этнос, по мнению Л. Н. Гумилева, – это единица измерения исторического времени, своеобразная историческая секунда, которая определяет направление и ход естественного исторического процесса. Этнос – это «форма существования вида *homo sapiens* и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы» [2, с. 42]. Раса различает людей по анатомическим, биологическим признакам: цвету кожи, разрезу глаз, форме черепа и т. д. Каждый этнос, по Л. Н. Гумилеву, «состоит из двух и более расовых типов». Он писал: «Многорасовых этносов я не знаю ни одного. Если же они составляют единый расовый тип, то это в результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов» [2, с. 45]. Этнос не совпадает с популяцией. В этносе всегда есть брачные ограничения, которых нет у популяции, например, мух или мышей. Этнос не является ни

биологическим, ни социальным явлением. Этнос – это понятие географическое, связанное с определенным ландшафтом, который кормит адаптированный к нему этнос. Для Л. Н. Гумилева история – это процесс происхождения и исчезновения этносов (этногенез), а этнос – это «замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части» [2, с. 60]. По его мнению, именно такие системы существуют в биосфере. Это «природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя (“мы”) всем другим коллективам (“не мы”). Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [2, с. 60].

По мнению автора, люди объединяются по принципу *комплиментарности*. Под нею Л. Н. Гумилев понимал неосознанную симпатию к одним людям и антипатию к другим. Первоначальный этнос, по его мнению, создавался именно так. Как только принцип *комплиментарности* заменялся принципом *всеобщности*, система (этнос) испытывала удар и деформировалась.

Л. Н. Гумилев считал, что патриотизм и комплиментарность – явления одного порядка, ибо внутри этническая комплиментарность является мощной охранительной силой. Но при этом он предупреждал, что в этом явлении необходимо знать меру, ибо, увлекшись патриотизмом, можно начать ненавидеть и отрицать все чужое. А это может привести к шовинизму.

На человека, как и на все живые организмы, оказывают влияние физические и биохимические силы биосферы. Опираясь на учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого, Л. Н. Гумилев сделал вывод о том, что энергия в ходе исторического развития распределялась в разных регионах и в разные эпохи далеко не равномерно. Это сказалось на формировании характера, на поведении, на менталитете тех или иных людей, народов, этносов. Эффект, производимый вариациями энергии на них, автор назвал *пассионарностью*. «Пассионарность, – писал Л. Н. Гумилев, – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [2, с. 71].

Из приведенных суждений Л. Н. Гумилева следует, что происхождение этноса связано по существу с определенным ценностным выбором, который осуществляет тот или иной народ, проживающий на той или иной территории. Этот ценностный выбор затем закрепляется в виде системы и иерархии ценностей, которые составляют определенный духовно-нравственный код этноса.

В истории философской мысли были ученые, которые отвергали эту идею и стремились сформировать концепцию «единого человека», «универсального человека». В основу своих теоретических конструкций они закладывали идеи дезидентификации личности. Эвристическую основу конструирования такого «абстрактного» человека составляли следующие положения: почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система подачей, душа – *tabula rasa* [4, с. 79]. Ярким представителем этого направления был Ф. Ницше, для которого человек был «самое больное и уродливое среди животных существо» [8, с. 149, 229, 247].

Однако этническая идентичность от таких попыток конструирования «сверхчеловека» ничуть не становится менее актуальной. Дело в том, что личность существует в определенной социальной среде, в которой она вынуждена делать выбор. И этот выбор носит ценностный

характер. Это выбор между культурой и дикостью, между цивилизацией и варварством. При этом личности, как и этносу, постоянно присуща бинарность мышления, некая антитеза «мы – они», «свои – чужие». Идентификация как раз и есть соотнесение внутреннего «я» личности с одним из полюсов этих бинарных оппозиций и восприятие собственной сопричастности, соучастия, принадлежности к нему. Этнос – это «только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» [5, с. 262]. Подчеркнем в этом определении слово «культурная», поскольку находились исследователи, которые пытались объяснять этнос другими существенными признаками. Например, еще в XIX в. М. Тэн главным фактором считал окружающую среду (ландшафт) [9]. Конечно, этническая самоидентификация личности связана с тем, что ее сознание обращено к определенному месту в пространстве, где она рождается и проживает разные фазы своей жизни. Но этим не исчерпывается этническая самоидентификация. Более того, она и не замыкается на этом сугубо пространственном факторе. Потому что самосознание как способ восприятия себя в этом пространстве вовсе не ограничивается физическим пребыванием индивида в строго определенном месте. Так, люди, находясь за тысячи километров от своей исторической родины, отождествляют себя с нею ментально, физически же они находятся вне нее. Поэтому представления М. Тэна и его сторонников – это географический детерминизм. К правосознанию такой детерминизм имеет самое прямое отношение, поскольку ментальное восприятие своей этнической принадлежности трансформируется в переживания и беспокойство о своей исторической родине, о малой родине. Из этих переживаний вырастает собственное представление о том мироустройстве, которое личность желала бы видеть для своей родины. И здесь, конечно, особое место занимает уже не географический момент, а культура. Что же касается первого, то «хотя бы того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода “козла отпущения” и на нее возлагается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны» [7, с. 58].

Этническая самоидентификация, как отмечал еще Н. Я. Данилевский, осуществляется самосознанием личности по четырем направлениям: в области религиозной деятельности, в области культурной деятельности, в области политической деятельности, в сфере общественно-экономической деятельности. На основании совокупности указанных направлений Н. Я. Данилевский различал и разные типы цивилизаций: одно-, двух-, трех- и четырех-основные. Славянскую цивилизацию он относил к трехосновной, полагая, что в ней особую роль играет именно личное правосознание, с которым государственное право не просто должно, а обязано считаться [3]. Отсюда следует, что именно личное правосознание было и остается той последней инстанцией, которая определяет реальность государственного права и правового сознания людей. Именно личное правосознание, проходящее через горнило этнической самоидентификации, обретает *нравственное* основание быть тем камертоном, который отличает фальшивые правовые нормы, навязанные народу бюрократией, от подлинного государственного права, которое человек выбирает сердцем и душой. Иного просто не дано. И именно на этой основе появляется то, что Л. Н. Гумилев называл *пассионарным* напряжением.

Этногенез, по мнению Л. Н. Гумилева, представляет собой «весь процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза» [2, с. 91–92]. Он начинается с толчка, чаще всего с микромутации или мутации. Но мутируют только отдельные особи. Чтобы возник этнос, необходима пассионарность членов всей консорции. Пока мы можем говорить только «о тенденции к подъему или спаду, о большей или

меньшей степени пассионарного напряжения» [2, с. 92]. По его наблюдениям, инкубационный период, т. е. период от начала и до конца пассионарного толчка, составляет около 150 лет. Но эти рамки касаются этноса в целом. Пассионарная личность может формироваться гораздо быстрее, поскольку импульсы к росту ее социальной активности определяются рамками этнической самоидентификации. А они могут быть гораздо меньше.

Это связано с конкретными фазами (этапами) этногенеза. Л. Н. Гумилев, например, выделял следующие фазы этногенеза: исходную, подъема, акматическую, надлома, инерционную, обскурации, мемориальную и вырождения.

На процесс этнической самоидентификации индивида влияют *пространство* и *время*. Пространство – это этническое и ландшафтное окружение, уклад жизни, формы хозяйства, связи с соседями, которые влияют на характер культуры данного этноса. Время в данном случае – фаза этногенеза и этнического окружения. Кроме времени и пространства этнос имеет и третий компонент – *энергию*. В ходе пассионарного развития энергия, ее сила определяют ход и направление этногенеза. Она идет на создание всех культурных ценностей (книг, скульптур, идеологических концепций и т. д.) и политическую деятельность (управление государством, создание территориальных структур, городов и т. д.). Но, как и все, пассионарная энергия имеет два полюса (биполярность). При этом поведенческая доминанта этноса может пойти в сторону усложнения или упрощения систем. Определителями направления доминанты являются философские и социально-политические учения, которые позволяют отличить положительную систему от отрицательной, найти смысл жизни в той или исторической ситуации.

Акматическая фаза этногенеза, по версии Л. Н. Гумилева, кратковременна. «Перегревы в акматической фазе, – писал Л. Н. Гумилев, – сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон» [2, с. 237]. Внешне этот спад пассионарного напряжения малозаметен. Он может показаться даже прогрессом, так как ему сопутствуют успехи в хозяйственной и культурной деятельности. При наличии способностей люди могут самовыражаться в науке, искусстве, технике, тем более что спад пассионарности идет медленно. Наступает период «посредственности», а процесс умиротворения становится долгим и мучительным. Появляются мученики и жертвы. Этическая система начинает постепенно меняться. После *акматической* фазы наступает пассионарный *надлом*, при котором все развитие этногенного процесса видоизменяется. Иногда система распадается на две-три, и их различия все более усиливаются, а сходство отступает на второй план. В процессе снижения пассионарности к руководству системами приходят люди, которые не всегда чувствуют, что система уже дает сбой. Их эгоистическая этика создает новый стереотип поведения родовых членов этноса, которые упрощают и ослабляют этническую систему.

В упрощенной системе происходит выброс свободной пассионарной энергии. Она может проявиться во всплеске интеллекта, реформаторской или творческой деятельности. Но так как не все люди имеют способности к творчеству, а «пассионарность – феномен популяционный», то там, где обнаружили слабые места, люди могли братья и за оружие. В такой период вызревают «реформации», и они являются как бы «индикаторами надлома». Так было во многих европейских, азиатских и других странах. В такие времена происходят революции, перестройки, гражданские войны, реформы. Л. Н. Гумилев квалифицировал фазу надлома как возрастную болезнь этноса, «которую необходимо преодолеть, чтобы иметь иммунитет. Этнические коллизии в предшествующей – акматической и последующей –

инерционной фазе не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе» [2, с. 265].

После фазы *надлома* наступает *инерционный* период, который Л. Н. Гумилев квалифицирует как расцвет тех или иных культуры и хозяйства. В этой фазе формируется новый идеал, «отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому следует подражать. <...> В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии – идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещенного крестьянина, грамотного и читающего философские книги» [2, с. 305]. Эту фазу этногенеза он называет *золотой*, так как в этот период люди собирают плоды, наслаждаются покоем, расширяются территории государств, появляются выдающиеся мыслители, писатели, деятели искусства. Но Л. Н. Гумилев подчеркивает, что в этот период незаметно, постепенно в обществе начинает убывать пассионарность. Инерционный период, таким образом, имел как достоинства, так и недостатки. В это время появляется у европейцев страсть к колониальным захватам, так как фазу надлома не всем удается пережить благополучно. Это «возрастная болезнь этноса», эпоха торжества обывательского цинизма. В это время обыватель, понимая, что война – дело рискованное, направляет свои усилия на преобразование природы. Лозунг «человек – царь природы» приводит к тому, что с нее, как пишет Л. Н. Гумилев, стали брать дань «спокойно и планомерно». Особенно в этом преуспели европейцы в Северной и Южной Америке, где они уничтожили не только природу, но и коренное население – индейцев.

Л. Н. Гумилев пишет, что «то, что европейские эволюционисты называют “цивилизацией”, а мы – “инерционной фазой этногенеза”, не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, что за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела» [2, с. 335]. И за этим появляется новая фаза, происходит смена фазовых императивов.

Новый этап развития этноса называется фазой *обскурации*. В этот период люди субпассионарного уклада постепенно создают прослойку в этносе, которая подвергает сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи. Наблюдается снижение качества самой деятельности людей и ее результата в науке, искусстве. Появляются коррупция, невежество, беспринципность. Некоторые этносы даже не доживают до этой стадии, поскольку гибнут от указанных недостатков еще в процессе перехода к ней. Субпассионарии вытесняют гармоничных особей, которые были провозглашены лидерами и определяли общественный идеал в предыдущей инерционной фазе. Но сами субпассионарии не способны к сосредоточению, четкой организации и дисциплине. Они способны только к развалу и дезорганизации. Эту фазу *обскурации* могут усилить еще и природные катастрофы: засуха, град, мороз, недород и т. д. Некоторые этносы при этом становятся реликтовыми, попадают в состояние этнического гомеостаза. Л. Н. Гумилев не соглашался с мнением, что гомеостатические этносы – отсталые племена. Просто они адаптировались к другим историческим и географическим условиям. Реликтовые народы – это не начальные, а конечные фазы этногенеза» [2, с. 360], когда народ теряет способность к саморазвитию. Фаза *обскурации* – последняя фаза в этнической истории. За ней идет новый этнический процесс, который называется *регенерацией*. В рамках этого нового этнического процесса формируется новый этнос и осуществляется новое этническое самосознание. Например, вместо прежнего русского народа формируется новый многонациональный российский народ, а этническое самосознание охватывает уже рамки не только русской, но и многонациональной российской культуры. Это означает, что правосознание личности воспринимает своими (а не чужими, как это было ранее) ценности разных наций, составляющих многонациональный российский народ. Соответственно, и национальное

право, как ценность, несет в этом восприятии свою смысловую нагрузку. Оно включается в общие представления о праве и в общую правовую культуру российского народа.

Этнос – это определенное число людей, имеющих черты сходства во внешнем виде, языке и образе жизни. Предпосылками сходства можно считать природу внутреннюю (соматические черты, передаваемые по наследству) и природу внешнюю (ландшафт, территорию, климат). Но именно культурное сходство окончательно оформляет этнос, выступает основой этнической самоидентификации. «Следовательно, этнос – это природно-культурное образование» [10, с. 132].

Этническая самоидентификация как основа правосознания личности осуществляется не сразу, а поэтапно. Первой ее фазой является эмоционально-чувственное восприятие своего «я» как сопричастного конкретному этническому «мы». На этом этапе формируется *ассоциативный ряд*, некие образы, через которые личность сопоставляет свое «я» с другими «я». Через такое сопоставление она ищет и находит среди других «я» близкие (идентичные) своему «я». Далее начинается фаза ценностной редукции, т. е. отбора из всех наличных ценностных ориентаций тех ценностных предпочтений, которые в большей степени свойственны аутентичным «я». Эти ценности рассматриваются личностью как близкие ее собственным ценностным представлениям. Третья фаза этнической самоидентификации заключается в самоопределении личности, которая делает выбор в пользу тех ценностных установок, которые она приняла как «свои». Этот выбор представляет собой процесс перехода прежних представлений в убеждения. Наконец, четвертый этап этнической самоидентификации личности связан с выработкой *нормативной* основы ее отношения к «своим» и «чужим» ценностям. Это означает выбор способов и средств защиты тех или иных ценностей, мер по отсеиванию чуждых ценностей.

Самоидентификация необходима для того, чтобы человек мог самостоятельно ориентироваться в жизненном пространстве, разумно судить о действительности. Но для этого самоидентификация должна опираться не на произвольные желания и устремления индивида, а на нормы права. Именно поэтому нормы права являются ценностью. Но правовое самосознание должно быть когерентным, т. е. отражаемые в нем нормы права должны быть соизмеримы. Только при этом условии правосознание может быть конструктивным, системным и нравственным.

Каждому из указанных этапов этнической самоидентификации соответствует и определенный тип мышления индивида. Первый этап связан с ассоциативным мышлением, когда индивид соотносит себя с другими через метафоры и образы. «Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» [6, с. 126].

Поэтому процесс этнической самоидентификации не может останавливаться на метафорическом восприятии своей принадлежности, а должен развиваться дальше в сторону логического мышления. С помощью логического мышления индивид осуществляет ценностный отбор, который далее служит основанием для его окончательных выводов и суждений. Но и здесь нельзя останавливаться, поскольку «логическое мышление прозрачно, его структура прекрасно изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения» [6, с. 113]. Поэтому на третьей стадии этнической самоидентификации наступает очередь диалектического мышления. Диалектика есть логика познания. Но диалектическое мышление – это уже не формально логическое мышление, а особый его тип, который берет объект во всех его противоречиях и взаимозависимостях и оперирует с таким объектом как с целым. Наконец, на четвертой фазе этнической

самоидентификации в дело включается нормативное мышление, которое представляет собой продукт развития диалектического мышления, но отличается от последнего тем, что формализует объект познания, каковым является на этом этапе уже само право.

Таким образом, правосознание является прямым следствием этнической самоидентификации. При сохранении органичной связи между этнически идентифицированным субъектом и государством правосознание становится важным ресурсом развития и совершенствования всей системы права.

Библиографический список

1. *Воронин Б. А.* Аграрно-правовая наука России: история и современность. Екатеринбург, 1999.
2. *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. М. : Танаис, 1994.
3. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991.
4. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений. В 10 т. М. : Изд-во худож. лит-ры, 1956. Т. 4.
5. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. М. : Аспект-Пресс, 1996.
6. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005.
7. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX в. В 2 т. СПб. : ИД «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1.
8. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
9. *Тэн М.* Философия искусства. М. : Изобразительное искусство, 1995.
10. *Фадеечева М. А.* Национальные и этнические предубеждения в структуре мировоззрения // Мировоззрение и культура / под ред. В. В. Кима. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002.